

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Анатолий
Максимов**

**ТАЙНАЯ ЖИЗНЬ
РАЗВЕДЧИКА**

В ОКОПАХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Советский век

Анатолий Максимов

**Тайная жизнь разведчиков.
В окопах холодной войны**

«Алисторус»

2022

УДК 327
ББК 66.4

Максимов А. Б.

Тайная жизнь разведчиков. В окопах холодной войны /
А. Б. Максимов — «Алисторус», 2022 — (Советский век)

ISBN 978-5-00180-443-7

Во время учебы в военно-морском училище герой книги становится участником контрразведывательной операции против шпионов в городе на Неве. Придя в органы госбезопасности, служит на Северном флоте с теми же задачами. А разведывательная стезя направляет его работу на добывание секретной информации военно-стратегического и геополитического характера, а так же сведений по новейшим западным технологиям в сфере авиации, космоса, электроники и химии. Автор книги – Анатолий Борисович Максимов окончил Ленинградское военно-морское командно-инженерное училище. Служил на Северном флоте в Особом отделе (военная контрразведка). Затем – в десятом отделе Первого главного управления (ПГУ) КГБ – внешняя разведка. Его первая заграничная командировка – в Англию, вторая – в Японию.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-00180-443-7

© Максимов А. Б., 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
В военно-морском училище	9
Выстрелы в упор	11
Встреча с особистом	13
В Большом доме госбезопасности	18
Предложение адмирала-чекиста	20
Вторая встреча со шпионажем	24
Бег за тенью	26
Тбилисская «встреча» с Борисом	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Анатолий Максимов
Тайная жизнь разведчиков.
В окопах холодной войны

© Максимов А. Б., 2022

© ООО «Издательство Родина», 2022

От автора

Время неумолимо высвечивает одну особенность человеческого характера – память. Она стучится в сердце и бережит душу своим радостным и тревожным напоминанием, обостряясь с каждым годом.

А ближе к восьмидесяти бросает человека в объятия «стола-бумаги-пера». И тогда человек-гражданин-профессионал-патриот мучительно и стремительно торопится погрузиться в ушедший мир событий и окружавших его людей.

Судьба распорядилась так, что автор оказался вовлеченным в события с начала сороковых годов с их военным детством, в пятидесятые – на флотской службе и в военной контрразведке, в шестидесятые и семидесятые – в работу на «разведывательном поле», а в восьмидесятые – в работу в «кузнице кадров разведки».

И везде – встречи, встречи, встречи... В Союзе и за рубежом – на трех континентах и в десятке стран. И в Европе, и за океаном силы были отданы научно-технической разведке, противостоянию западным спецслужбам, а в Союзе – акциям тайного влияния в интересах Отечества.

«Запальным устройством» к решительным шагам к появлению рукописи послужил «призыв» моего любимого писателя-гуманиста Константина Паустовского из его замечательного труда «Повесть о жизни». Это двухтомное издание стало молчаливым укором с шестьдесят шестого года. А лет пятнадцать назад из этого труда перед столом появился небольшой плакат с изречением писателя:

*«Кроме подлинной своей биографии, где все послушно
действительности, я хочу написать вторую свою
биографию, которую можно назвать вымышленной...»*

Эти строки становились еще большим упреком и привели к накоплению рукописно-печатных воспоминаний, а затем – отдельной папочки. А потом, когда эту сладкую муку уже не было сил терпеть, на столе пристроилось большое досье с завязками. И все под одним названием: «Судьба выбора разведчика».

Только года два назад все это «богатство памяти» начало переходить в компьютер и оформляться в виде двенадцати рукописей. И совсем недавно, в начале 2015 года, рукописи превратились в три книги – с изложением реальных фактов по содержанию и художественные по форме.

Каждая из книг может существовать самостоятельно, хотя и объединена событиями из жизни ветерана флота, контрразведки и разведки. И все пятьдесят лет служения Отечеству укладываются в три главных ипостаси. Это – «Тайная жизнь разведчика» (против запретных санкций Запада); «Тревожная судьба разведчика» (тайные события на двух континентах); «Ветеранский долг разведчика» (тайны праведных дел).

Итак, книга первая с началом с середины пятидесятых годов – флот на Балтике, контрразведка на Севере, первые шаги в разведке, на Японских островах, с позиции Внешторга, британский друг.

Глава 1

«Друг» из Моссада и ЦРУ (1956–1959: Ленинград, Балтийск, Тбилиси, Североморск)

На потолке появилось радужное пятнышко. «От чего бы это? – подумалось мне. – Где-то стекло преломляет солнечный луч...» И еще полностью не проснувшись, я резко повернулся на бок. Боль в руке мгновенно дала о себе знать, напомнив о вчерашнем дне и сегодняшней беспокойной ночи.

Боль пульсировала и с каждым ударом чуть-чуть утихала. Оглядел палату: светлая комната на одного залита солнцем, весенним солнцем города на Неве; белая тумбочка и графин на ней с водой – это от него радужный зайчик; около двери вешалка с моей темно-синей робой.

Судя по солнцу, сейчас время подбирается к двенадцати. Звонки перерывов в санчасть не доносятся – она занимает нижний этаж правого крыла огромного здания нашего училища.

«Значит – отдохну... – проникла мне в голову радостная мысль, но ее выгнала другая: – А рука? Будет ли она в порядке? Хотя пуля и прошла насквозь?... Ну и влип ты в историю, Максим! В тебя уже стреляют, впрочем, уже второй раз... – то ли с гордостью, то ли с иронией подумал я. – Второй раз? Постой, постой, парень, в третий...»

Первый раз это было в сорок четвертом году. Мне тогда было десять лет... Северная тайга манила и привлекала нас, детей военных лет, предоставленных самим себе. В летнее, не дождливое время опушки леса становились нашим пристанищем на многие дни. От таежной тишины мы испытывали умиротворение. На опушках леса мы играли в войну, подсмотренную в очередном кинофильме.

Играя, я как-то углубился далеко в лес, где наткнулся на небольшое озерцо с кувшинками в воде. Быстро разулся, оставил сандалии на кочке и стал бродить по мелководью, собирая цветы.

Всплеск рядом с собой я услышал раньше, чем звук от выстрела. От неожиданности присел в воду и осмотрелся: вдалеке виднелась сторожевая вышка, над которой поднимался дымок, видимо от выстрела. Снова выстрел – я его видел, – и пуля впилась в березу рядом, мягко чмокнув в набухшую от весенней влаги кору.

Не разбирая дороги, я понесся назад к ребятам. Они стояли на опушке и прислушивались к стрельбе. Увидев меня, закричали:

– Максим, по тебе, что ли, стреляли?

– Кажется, по мне... – неуверенно ответил я, переводя дух и смотря на свои босые ноги. – Сандалии у меня там остались...

Да, сандалии остались на болотной кочке возле злополучного озерца с кувшинками. После долгих размышлений мы решили идти за сандалиями в сумерках полярного дня. Пряча, мы проделали это путешествие, но сандалии не нашли – на болоте все кочки одинаковы.

В том далеком сорок четвертом стрелял вохровец, хотя мы знали, что вышки обычно бывали пустыми. Из разговоров отца с мамой я позднее понял, что вышки, поставленные еще в середине тридцатых годов вокруг зоны ГУЛАГа в Ухте, северном городке нефтяников уральского Приполярья, иногда использовались по назначению для просматривания границ лагеря, если кто-либо бежал из зоны.

Это первый раз, а второй – в прошлом году. Тогда наш взвод-класс после окончания третьего курса артиллерийского факультета высшего военно-морского училища в сентябре проходил практику на побережье Финского залива на военно-разрядной базе Балтийского флота. Опаздывая из увольнения, я решил сократить путь и пошел напрямик кромкой воды. Но берег – это пограничная зона, и я напоролся на патруль, пытался бежать, был обстрелян. Как сейчас

помню перекошенное гневом лицо старлея, который тряс меня и возбужденно повторял: «Я мог тебя убить...» Ту злополучную ночь я коротал на гарнизонной гауптвахте.

Итак, три обстрела – и только одно попадание. Да, но было не до смеха. Неожиданно в голове пронеслось: «Стрелял Борька... Конечно, Борька из Быково... Да что я? Бред какой-то... Борька? Гузкин?» Но эта мысль уже властно завладела мной.

В военно-морском училище

Почти четыре года назад я приехал из Москвы в уникальное с точки зрения военной и инженерной подготовки училище. Учились мы по академической программе, так как из нас готовили новое поколение морских офицеров – училище было командно-инженерное.

Здесь перед моими глазами прошла история мировой и русской истории военно-морского флота: от Соломинского сражения в древности, сражений парусного флота на Черном море и Балтике – до морских операций в годы Великой Отечественной войны на театре военных действий советских военно-морских сил и наших союзников по антигитлеровской коалиции в Северном море, Атлантическом и Тихом океанах.

Разбирали удачные операции английского флота против пиратских набегов фашистских рейдеров в Атлантике и скорбели над участью американской морской базы в Перл-Харборе – месте трагедии, которая привела к взрыву патриотизма американского народа и началу войны против Японии, союзника гитлеровской Германии. Нападая на США, Япония уже не решилась на войну на два фронта – японская военщина на Советский Союз так и не напала, несмотря на требования Германии.

* * *

Противостояние великих держав только начиналось, и мысли о роли Америки и союзников, которые отвлекали военные силы «оси Берлин – Рим – Токио» от Восточного фронта, тогда не имели хождения в среде военных историков нашего училища. Фултонская речь Черчилля положила начало «холодной войне», и для нас, будущих профессиональных военных моряков, Америка и ее союзники по НАТО ассоциировались с главным противником на море, в воздухе и на земных полях сражений.

Училище потрясло мое воображение не только хорошо организованной системой обучения с мощными средствами наглядности в лабораториях, где стрельбы проводились в реалиях морского простора. Меня привлекли книги – библиотека, в которой были собраны, кроме художественной литературы, тома энциклопедий и справочников. Из простой школьной библиотеки я попал в замечательную Книжную Страну. Там я впервые познакомился с Большой советской энциклопедией, второе издание которой только что начало выходить. Многие часы и дни провел я в уютных стенах читального зала, пролистав пятьдесят томов этой удивительной кладовой знаний.

Мне там нравилось все: и порядок, какой может быть только на флоте, и непривычные для гражданского уха команды и термины из морской службы и быта, и строгая дисциплина, не допускающая малейших отклонений от регламента и уставных положений. И на этом фоне – мои наставники, боевые офицеры военно-морского флота, каждый из которых был живой историей сражений прошедшей войны с фашистами. Службу я любил и ею не тяготился.

Я, как, впрочем, и многие мои товарищи, воспринимал дисциплину военного без усилий, сердцем понимая ее предназначение. И если у меня и случались срывы, то они не носили серьезного, злостного характера, а больше проистекали из-за преследовавших меня несообразностей гражданской жизни. Я испытывал радостное чувство от совместного движения в строю, а песня, которой пленился с раннего детства, заставляла меня ликовать. Мне был близок герой писателя Куприна из замечательной повести «Поединок». Казалось бы, другое время, другая военная среда, другие обычаи, но духовно я был близок к этому герою, которого уважал за восторженное отношение к окружающему миру.

Позднее, в конце шестидесятых годов, на ЭКСПО-67 в Канаде я посмотрел американский фильм фирмы «Кодак», который носил поэтическое название «Быть живым...». Фильм о при-

роде, ее живом мире. Этот фильм, сам по себе не такой уж шедевр документального искусства, всколыхнул во мне целую бурю чувств и воспоминаний: далекие украинские степи из глубокого детства, морозный северный городок, вековые сосны Подмосковья, аэроклуб, училище и многое другое. Хорошо жить. Хорошо творить в силу своих возможностей, быть товарищем, сыном, мужем, отцом... Это желание быть полезным особенно усилилось после почти месячного исследования в канадском госпитале, когда я ожидал самого худшего... Лежа на больничной койке, я остро ощутил тоску по Родине, столь обездоленной по сравнению с отлично налаженной жизнью сытого западного полушария с Канадой и Америкой.

* * *

Училище я любил. Любил его писанные и неписанные законы, правила, обычаи, традиции. Последних было еще мало – училище было только что создано. Я понимал, что жизнь и учеба в училище – это новое, неизведанное и захватывающе интересное обилием знаний. Главное, я понимал, что эта жизнь в стенах училища и пребывание в городе мирового культурно-исторического значения помогали мне, еще недавнему школьнику с замашками анархиста, в короткий срок стать самостоятельным юношей, будущее которого виделось вполне определенно. Впереди была служба в офицерском звании на кораблях военно-морского флота, а может быть – в научно-исследовательских центрах вооружения ВМС.

За годы пребывания в училище я проходил практику на линейном корабле, крейсерах и эсминцах разных флотов. На флагмане Балтийского флота линкоре «Октябрьская революция» я стажировался в артиллерийской боевой части и ходил на нем в его последний поход в Таллин. Тогда флагман, ветеран еще времен русского флота, провел свои последние стрельбы главным калибром двенадцатидюймовой артиллерии. Через год корабля не стало: его разрезали на металлолом. Спущенный на воду в преддверии Первой мировой войны, он прослужил сорок лет и отдал свой металл на строительство новых, более совершенных кораблей.

На крейсерах мне пришлось ходить на Северном флоте и на Балтике: и все это время в качестве морского артиллериста. Но как будущий инженер-артиллерист фактически ежегодно я проводил по несколько месяцев на заводах, где знакомился с особенностями изготовления различных узлов к артиллерийским установкам, их сборкой, боеприпасами к ним. Изучал особенности производства и создание новых технологий изготовления взрывчатых веществ и порохов, взрывателей к снарядам. Нашим местом стажировок были полигоны под Ленинградом.

Выстрелы в упор

Так что же случилось вчера? Со мной, курсантом четвертого курса? Шла весна пятьдесят шестого года. Как старшекурсников, нас уже не мучили нарядами, но некоторые легкие виды дежурства мы все же несли. Наиболее привлекательным было дежурство в составе пожарного взвода. Фактически все дежурство сводилось к физическому пребыванию в стенах училища в течение суток.

Наше десятиэтажное здание по фасаду занимало более ста пятидесяти метров. Построено оно было перед войной почти на границе города, на проспекте Сталина. Это был Дом Советов городской партийной и административной власти. Предполагалось, что вокруг этого здания будет развернут новый центр Ленинграда, а старый город останется как историческая часть его.

Война нарушила планы, и после нее Дом Советов был передан военно-морскому ведомству, который разместил в нем вновь открывшееся секретное военно-морское училище инженерного оружия. В училище были факультеты: артиллерийский, ракетный, минно-торпедный, штурманский, химический и атомный. Последний был засекречен даже внутри самого училища. Сделав всего три полноценных выпуска, училище было ликвидировано в момент хрущевского сокращения армии на миллион двести тысяч человек.

* * *

Итак, в один из воскресных дней дежурства я и мой товарищ по курсу вышли из задних ворот училища и расположились на обширном пустыре вблизи его стен. Была весна, и травы уже бурно покрывали землю. Волны травяного моря перекашивались от стен училища до ближайшей проселочной дороги, пролегавшей метрах в трехстах.

Я обратил внимание, что на пустынной дороге стоял одинокий автомобиль и от него в нашу сторону шли парень и стройная девушка. Не доходя до нас метров пятнадцать-двадцать, они остановились возле матроса, который, как и мы, отдыхал в траве. Матроса мы знали в лицо, и был он из обслуживающей команды.

Высокая трава скрывала троицу, и лишь иногда ветер доносил до нас их голоса: они о чем-то бурно спорили. Так прошло минут двадцать. Вдруг голоса стихли, парень и девушка вскочили и стали быстро, почти бегом удаляться в сторону автомашины. Их бегство нас насторожило, и мы окликнули матроса. Ответа не последовало, а странная парочка бегом припустила к автомашине.

Мы бросились к матросу. Он лежал ничком и на наши возгласы не отвечал. Стало ясно, что с ним что-то сделали. Рядом еще дымилась папироса. Оставив товарища у лежащего в беспомощности матроса, я бросился за убегающими. Вот тут-то и пригодились мои занятия легкой атлетикой – моими любимыми дистанциями были 200 и 400 метров. Мне удалось бы догнать парочку, но неожиданно парень резко обернулся в мою сторону и в его руке блеснул пистолет. Раздались выстрелы. Что-то ударило меня в левое плечо, и я мгновенно рухнул в траву, которая скрывала меня от стрелявшего. Азарт погони заставил меня поднять голову, но парочка уже достигла автомашины. И хотя догнать парочку мне не удалось, чуть лучше рассмотреть автомашину я смог. Это был «москвич» первой послевоенной марки.

Автомашина запыхала по дороге, а из ворот училища выбегали моряки. Услышав выстрелы, открыл стрельбу в воздух караульный у ворот: так он пытался привлечь внимание удаляющегося автомобиля и вызвать караул на помощь.

Я только теперь почувствовал, что с рукой что-то неладно. Рукав рубы пропитывался чем-то теплым. Это была кровь. Сама рука безжизненно повисла, и любое движение причиняло боль.

Зажав рану, я пошел к товарищу, который был возле матроса, бес сознания раскинувшегося на траве. Прибежал дежурный по училищу офицер и приказал сопроводить меня в санчасть:

– Курсант, – обратился он ко мне, – о случившемся помалкивай, потом разберемся... Я сейчас буду там сам...

Дежурный что-то тихо сказал дежурному врачу, и тот позвонил в гараж, вызвал санитарную машину, а фельдшеру-медсестре приказал обработать мне рану.

Дежурный по училищу снова что-то прошептал медсестре, которая внимательно взглянула на меня и, кивнув головой, сказала: «Отдельная палата ему будет...»

Во время перевязки сестра удовлетворенно хмыкала и говорила сама себе: «Отлично, чуть правее – и остался бы без руки...» И ко мне: «Терпи, дружок, пока укол подействует, я обмою рану вокруг. Не дергайся, терпи, в войну с такой раной оставались в строю...» И я терпел.

– Пошли, – пригласила меня сестра и, поддерживая, повела в палату. Она действительно была отдельная, чему я был весьма удивлен, ибо, бывая в санчасти, лежал в палате человек на десять.

Скоро зашел дежурный офицер и задал мне несколько вопросов. В основном его интересовало, как мы оказались вне здания, хотя знал, что «пожарники» могут быть вне здания – на спортплощадке или, как мы, на травке.

Встреча с особистом

С момента происшествия прошло менее часа. И вот в дверях показался представитель Особого отдела военной контрразведки – особист, как мы его звали за глаза. Мы его знали в лицо. Этот приветливый капитан третьего ранга всегда не по-уставному общался с нами, часто разговаривая о разных мелочах. Но, зная его должность, мы, беседуя с ним, особой радости не испытывали.

– Ну, что, друг, повезло?! Ты жив... – широко улыбаясь, подсел ко мне особист.

– Да, вот так случилось, товарищ капитан третьего ранга... – не зная, как начать говорить на эту тему, сказал я.

– Зови меня просто – Василий Иванович, как Чапаева. Нам придется о многом поговорить...

Он внимательно смотрел на меня. Не строго, но и не расслабляюще-панибратски. Изучающе и выжидательно. Так обычно ведут себя люди, готовящиеся к обстоятельной беседе и не желающие торопить события. И, облегчая мне вступление в беседу, сказал:

– Ты понимаешь, Максим, что дело не обычное?

И неожиданно:

– Давно ты знаешь отравленного матроса?

– Так его отравили?... Там была сигарета...

– Разве не ты дал ему эту сигарету? Караульный у ворот видел, как ты бежал от этого матроса, точнее – от того места, где потом нашли его.

– Я бежал не от матроса, а за странной парочкой – парнем и девушкой. До того матрос и «парочка» о чем-то спорили, и затем они побежали...

– «Странная парочка», говоришь, – повторил «особист». – Почему «странный»?

– Так ведь побежали...

– Так, значит, ты матроса не знаешь?

– Только в лицо – он из обслуживающей команды...

– А «парочку» ты знаешь?

– Нет. Никогда раньше не видел.

Я стал понимать, что это не беседа, а допрос, похоже на допрос, и решил быть предельно лаконичным. В голове промелькнуло: «Хорошо, что я был там не один...» Еще не понимая, почему «хорошо», инстинкт самосохранения подсказал мне такую линию поведения. Я стал ждать очередного вопроса.

– Так что же произошло? – продолжил беседу Василий Иванович. – Куришь? Если хочешь – кури, я разрешаю, для такого случая можно...

Я постарался рассказать все, как было. Контрразведчик слушал, не перебивая. Вопросы стал задавать потом, и все – конкретные. Начал он с описания парня и девушки.

– Так что ты можешь сказать об этой «странный парочке»? Опиши каждого: возраст, рост, цвет волос, особенности лица, одежду... Особые приметы: это значит – походка, жесты...

Сам себе удивляясь, я смог достаточно подробно ответить на все эти вопросы. Василий Иванович удовлетворенно кивал головой и все подробно записывал. С моих слов он описал автомашину и лишь один раз переспросил:

– Что ты заметил на заднем сидении? Собаку? Какую собаку? Ведь ты был метрах в двадцати от машины? Как ты смог заглянуть на сидение?

– Да нет, Василий Иванович... – Я впервые назвал его по имени, преодолев смущение, свойственное людям военной косточки, когда они разговаривают со старшими по званию. – Это была собака-кукла, и лежала она под задним стеклом. Цвет светлый и шерсть длинная. В наших магазинах таких я не видел...

– Опиши-ка оружие, из которого в тебя стреляли?

– Это трудно, но звук резкий, как из пистолета Макарова. А по свисту пуль определить пистолет сложно... – пытался пошутить я.

– Свистящая пуля – это уже не твоя. Свою ты не услышал, а почувствовал. Вот так-то, Максим. Подпиши.

Контрразведчик дал мне подписать бумаги, которые он составил с моих слов. Я подписал, не проверяя их правильность. Прощаясь, он попросил ни с кем не обсуждать состоявшийся разговор. Заметил, что, возможно, придется встретиться еще раз. Мой вопрос, что же произошло, он оставил без ответа. А я почувствовал бестактность его постановки.

* * *

Стрелял мой бывший школьный товарищ?! И вот утром следующего дня меня настойчиво стала преследовать мысль, что стрелявший мне знаком, что это мой одноклассник из бывшей школы, где мы учились в десятом классе в пятьдесят втором году. Все более я уверялся, что это был Борис Гузкин.

Борис появился в нашей школе в начале девятого класса.

Худощавый и подтянутый, аккуратный и собранный, черноволосый и темноглазый парень всем понравился, особенно своей сдержанностью. Он мог бы прослыть молчаливым, но это только поначалу. Очень быстро освоившись, Борис с головой окунулся в наши школьные заботы и немедленно стал членом лыжной секции Юношеской спортивной школы, которая у нас, в Быковской школе, воспитала не одного чемпиона Москвы и области. И это неспроста. Быково славилось своими отличными спортивными традициями еще с довоенных времен.

Жизнерадостная и веселая натура Бориса привлекала к себе нас, его школьных товарищей. Жил он от школы далековато, километрах в пяти. Между станциями Удельная и Малаховка. Зимой ходил из дома и обратно только на лыжах. Когда нужно было задержаться после занятий, он частенько стал бывать у меня дома.

В общем, мы подружились. Вместе учили уроки, вместе тренировались на лыжне и участвовали в соревнованиях, ходили на танцы и школьные вечера. Как-то в воскресенье я побывал у него дома. Его семья: отец, мать, братишка и еще какой-то родственник, кажется дядя, – снимали дом-дачу. Меня, видевшего всегда Бориса подтянутым и аккуратным, удивил беспорядок в их доме. Правда, кроме стола Бориса – там было все прибрано.

Отец и мать приветливо встретили меня и, как говорится, не знали, куда меня посадить. А посадить, действительно, было некуда: на столе – горы посуды и остатки еды, на стульях – одежда, разбросана обувь, кровати не убраны. Из соседней комнаты вышел дядя и, бросив косой взгляд, исчез.

Всегда приветливое лицо Бориса исказилось в болезненной гримасе, и он резко бросил родителям:

– Я же предупреждал, я же просил...

У Бориса была прекрасно поставленная речь, но не у родителей. Они говорили так, как будто у них во рту была вставлена свиристулька. Это был типичный говор одесситов.

Мы вышли погулять, и я стремился отвлечь Бориса от не приятностей увиденного. Но он оставался хмурым: губы были плотно сжатыми, густые брови еще больше «срослись». Но лицо его не было злым, скорее печальным.

Я попытался уйти домой, но Борис резко, в несвойственной ему манере, одернул меня:

– Хочешь обидеть забитых нуждой евреев?

Мне сказать в ответ было нечего.

Ранней весной пятьдесят второго года Борис исчез, так же внезапно, как и появился полтора года назад. В конце недели меня вызвала к себе директриса и попросила срочно съездить

к Борису домой и выяснить причину отсутствия его в школе. Для этого дела меня отпускали с занятий. Тогда я не обратил внимания, что при разговоре присутствовал еще один человек, которого я никогда в школе не видел.

– Езжай и сразу возвращайся, – напутствовала директриса. – Если болен, то пусть возьмет справку...

Я рад был прогуляться весенним ярким днем, когда слепит солнце, а небо сияет чистой голубизной. Через час с небольшим я подошел к калитке дома Бориса. На дорожке, ведущей к крыльцу, лежал ровным слоем снег. Следов не было. Значит, подумал я, прошло три дня, как был снегопад, и дом никто не посещал. Взойдя на крыльцо, заглянул в окно террасы – никого. Заглянул в окно комнаты – тоже пусто.

– Чего ищешь, парень? – услышал я голос из-за соседнего забора. – Их уже неделю как нет...

– Уехали, что ли? – спросил я женщину-соседку.

– Да кто их знает. Еще в тот, субботний вечер они были дома. Ночью слышала – гудела машина... Может, уехали на время?

Я обошел весь дом и заглянул во все окна. Все говорило о том, что дом жильцами покинут.

Обо всем этом я рассказал директрисе и незнакомцу, когда возвратился в школу. Незнакомец задавал вопросы и между прочим расспрашивал: что за человек Борис. Директриса в это время тактично помалкивала. Я же понял, что расспросы незнакомца неспроста, лишь тогда, когда он попросил умолчать о беседе со мной в отношении Бориса.

– Парень ты башковитый, говорила твой директор, – и он кивнул в сторону директрисы, – все понимаешь и будешь молчать.

– А что я скажу ребятам? Куда ездил?

– Скажи, что ездил к Борису: он переехал. И ничего больше, особенно, о чем мы говорили здесь. Коли ты мужчина, то поймешь меня правильно, – уговаривал незнакомец.

Я кивнул в знак согласия и потом молчал перед товарищами «как рыба об лед». Хотя по моему виду догадывались они, что я приобщен к какой-то тайне. Мне это нравилось, но вскоре одноклассники с вопросами отстали.

Новая встреча с особистом. И вот теперь моя уверенность, что стрелял Борис, все более усиливалась. «Нужно сообщить Василию Ивановичу. Но как его вызвать? Телефон...» Я набросил больничный халат и пошел якобы в туалет. Проходя мимо дежурной комнаты врача и медсестры, бросил взгляд туда. Никого. Зашел и увидел под стеклом список телефонов факультетов, кафедр и других подразделений училища.

«Так. Учебный отдел, кадры... Вернее всего он числится где-то здесь? Как его фамилия? Но звать-то Василий Иванович... Буду искать по имени. Кажется, это он... Фамилия, телефон. Только был бы на месте...»

– Старший лейтенант... – услышал я в трубке и, торопясь, пока не пришла сестра, сказал:

– Мне нужен капитан третьего ранга Барабаш. Это из санчасти... – Я хотел назвать свою фамилию, но меня перебили:

– Не называйте себя, я понял. Вы можете говорить? Вы один? Что передать?

– Да. Могу. Мне нужно срочно его увидеть...

– Он будет у вас через два часа. Ждите.

Время тянулось долго. Я успел пообедать. Приходили врач и сестра. Ничего не расспрашивали, только осмотрели рану. И он, и медсестра делали вид, что ничего особенного не случилось.

Я понимал, что действительно произошло что-то необычное, но, уже привыкший к бдительности и секретности в делах службы, особенно не удивлялся. «Значит, так нужно», – думал

я. И даже испытывал гордость от участия в таких событиях. Несколько удивляло, что никто не навестил меня. И опять выручало: «значит, так надо...»

Позднее я узнал, что по училищу поползли слухи: матроса отравили, и кто-то завладел его документами. Произносили слово «шпионаж»... О том, что я ранен, разговора не было, но уже после того, как командиры рот сказали на вечерней поверке о моем вывихе руки. Как отвадили моих товарищей от посещения санчасти, я так и не понял, а после выхода оттуда мне никто вопросов не задавал.

Василий Иванович пришел поздно, часов в десять вечера.

– Твои описания помогли разыскать автомашину и «странную парочку». Вот их фото. Сейчас составим протокол опознания...

– Но это не тот парень. Его я не видел. Может быть, он сидел в «москвиче», точнее – прятался там?

– Как – «не тот»? Ты точно знаешь?

– Точно. Парень мне не знаком.

– Стрелял не он?

– Не он.

– Так. Начнем с начала. С момента перед выстрелами? Может быть, ты, пока лежал в траве, не разобрался с обстановкой? Ведь ты говорил, что в отъезжающей автомашине было двое – парень и девушка, парня ты описал. Но мы нашли вот этого, что на фото, через автомашину и девушку. Девушка подтвердила, что они были двое...

– Но парень-то не подходит под мое описание!

– Мы решили, что ты что-то перепутал. Ну, из-за стрельбы и расстояния... Видел только со спины...

– Я видел его глаза, лицо... Именно он вскочил за руль и увел машину. Может быть, другой парень лежал на сидении?

– Значит, это не тот, кто стрелял?

– Нет и нет, – твердо отрезал я, – у того другое лицо. Я знал его еще по школе в Быково, под Москвой...

– Что-о-о? Ты его знал? И промолчал вчера? – В голосе «особиста» послышались стальные нотки. – Почему?

– Только сегодня утром понял, что это был мой школьный товарищ...

– То-ва-рищ?! – воскликнул Василий Иванович. – Хорош товарищ! «Товарищ»...

– Что они хотели от матроса?

– Эта девушка и парень сказали, причем порознь, что им было поставлено задание проникнуть в училище и собрать сведения о его структуре и направлении обучения, – коротко удовлетворил мое любопытство контрразведчик. – Матрос отказался работать с ними, и они пытались его отравить папиросой. Ваша помощь пришла вовремя... Вовремя и для матроса, и для нас, госбезопасности. И еще. Обо всем этом никому ни слова, даже командиру роты. Понял?

Я кивнул и спросил:

– А матрос опознал парня? Он-то точно может сказать, что с ним был другой...

– Матрос еще плох. Кое-что он сказал. Фото еще не видел, но я думаю, он тоже подтвердит – это не тот... Так ты говоришь – школьный товарищ? Ну выкладывай, только все по порядку.

Я достаточно подробно рассказал о нашей с Борисом совместной учебе в быковской школе.

– А как ты догадался, что это Борис? Ты же видел его долю секунды, да еще в такой обстановке, со стрельбой...

– Мы много бегали с ним на лыжах и просто кроссы. Тянули друг друга на трассе – это когда по очереди шли друг за другом. Когда долго ходишь на лыжне или бежишь за кем-либо, то видишь характерные движения человека. Я ходил за ним десятки раз, а это значит – каждый раз тысячи движений совершенно однотипных. Это запоминается...

– И это все?

– Нет. Еще лицо. В суматохе вчерашнего дня я еще не осмыслил знакомые приметы лица.

– Приметы, когда по тебе стреляют? – недоверчиво качал головой Василий Иванович.

– Я «сфотографировал» его лицо, видимо от испуга. Оно и встало передо мной уже ночью, а утром до меня дошло: лицо Борькино. И походка, и фигура его...

– Ну про походку ты уже говорил, а фигура?

– Борис был худой, но жилистый, выносливый. И узкоплечий. Вот и Петр Первый тоже был худой и узкоплечий, резко это было видно.

– Эко хватил! Петр Первый – это всем известно, а тут совсем другое дело. И обстановка, сам понимаешь. Нужно разбираться...

– Когда я бежал, то видел его со спины, обтянутой тонко, курткой. Потом вспомнил, что такого узкоплечевого человека мне приходилось встречать.

– Итак, фигура, походка, лицо... Так что – лицо?

– Узкое, темные глаза, сросшиеся брови, правда теперь еще и усы...

– Смотри на фото: лицо узкое? Да. Глаза как глаза, темноватые... Брови? Обычные, хотя и густые. Но, конечно, их не назовешь сросшимися. Верно? Усы? И на фото усы...

– Если все эти черты усилить: лицо удлинить, брови срастить, сделать усы чернее... Это будет ближе к фото Бориса.

– А у тебя его фото имеется?

– Да. На лыжне и в группе со школьными ребятами. Но это дома, в Москве, у родителей...

– Я сейчас свяжу тебя с Москвой, и ты скажешь родителям, чтобы они передали фотографии по твоему описанию нашему человеку в Москве.

– Я могу описать, тем более что мама знает Бориса в лицо, а какие искать фото – скажу ей.

– Хорошо. К утру фото будет у нас.

Звонок родителей не удивил. Удивила просьба, но мое короткое «так надо» поставило все на место, тем более отца не нужно было уговаривать. Утром, часов в десять, Василий Иванович привез фото, с некоторых уже были сделаны крупные снимки Бориса, только его. Но привезли не все. Всего два. «А остальные?» – спросил я у Василия Ивановича.

В пятьдесят третьем году, когда я уже был в училище в Ленинграде, мои родители переехали в Москву. Их довольно частенько навещали мои товарищи по быковской школе. Как я узнал позднее, бывал и Борис – один раз и с кем-то якобы из моих одноклассников. И другие, и Борис просматривали фотографии. Можно было сделать предположение, что Борис почему-то изъясил свои фото из моей коллекции. Мои родители дали снимки оперативному сотруднику из другой пачки, в которой были собраны дубли фотографий или очень плохого качества.

А пока, в беседе с Василием Ивановичем, я сказал, что нескольких фотографий с Борисом нет. И он, и я гадали – почему?

Несколько встреч в «Большом доме» на Литейном – штаб-квартире ленинградского КГБ – продолжили беседы о случившемся. Из разговоров я понял, что задержанные, но не Борис, сознались в оказании помощи человеку, которого они не считали шпионом, но который хорошо платил.

Борис Гузкин, мой школьный товарищ, от наших чекистов ускользнул. Говоря языком криминалистов, в его идентификации я принял участие. Себе я задавал вопрос: кто же он, Борис? Мысль, что шпион, как-то не утверждалась в моей голове – его облик доброго парня не вязался с моим представлением о шпионах. Как показала жизнь, лучше бы он попался в сети контрразведчиков уже тогда, в далеком пятьдесят шестом году.

В Большом доме госбезопасности

Именно в это время мне впервые было сделано предложение перейти на работу в органы госбезопасности.

– У тебя есть хватка чекиста, – сказал мне «мой» контрразведчик. – Ты быстро среагировал на обстановку, пытался задержать шпионов, а главное – запомнил столь много примет, что их поиск и арест завершился весьма быстро.

Все сказанное я принимал за чистую монету и лишь с годами работы в органах понял, что небольшое преувеличение заслуг сотрудничающего с тобой человека всегда ему приятно и... полезно для дела, точнее создания атмосферы его заинтересованности в контактах с тобой.

– Но ведь у меня еще не один год учебы? – пытался я не торопиться с решением.

– Тебе до окончания учебы осталось года полтора. Станешь офицером и пойдешь к нам. Мы направим тебя в школу военной контрразведки. Будешь работать с техникой: на кораблях или других местах – выбор за тобой... В общем, поговорим ближе к окончанию училища. Согласен?

Месяцем позднее Василий Иванович свозил меня в Большой дом снова, где чекист в адмиральском звании вручил мнеменные часы с надписью: «за бдительность». К великому моему сожалению, они пропали уже в ближайшее лето. Часы с массивным металлическим браслетом (в то время это была новинка) соскользнули с руки во время похода на парусных шлюпках в Азовском море. А жаль! Люблю предметы, связанные с событиями из моей жизни: книги, открытки, подарки, сувениры... Кто их не любит? Но этот именной, от контрразведки. Конечно, жаль, особенно теперь, ближе к концу службы, когда главная ее часть была связана с госбезопасностью.

* * *

В конце пятого курса нам, как выпускникам, присвоили звание «мичман» и отправили на корабли для прохождения летней, для нас последней, практики.

В пятьдесят седьмом году праздновалось сорокалетие Октябрьской революции, а летом – День Военно-Морского Флота. Я оказался на крейсере «Орджоникидзе», который сменил старый линкор «Октябрину» в качестве флагмана Балтики.

Согласно моему дипломному проекту я должен был бы стажироваться в башне противозенитной и противоминной артиллерии на универсальных установках. Однако мое место оказалось на кормовом мостике группы артиллерийских зенитных автоматов крейсера. Как потом стало мне известно, я был назначен стажером командира группы АЗА не случайно и не по воле училища или командования кораблем.

Казалось бы, я уже начал забывать о моих встречах с представителями Большого дома. Но где-то дней за десять до убытия на крейсер я снова повстречался с «моим» особистом. Василий Иванович подошел ко мне в городе и даже не пытался изображать, что якобы встреча случайная. Был он в гражданском и сразу перешел к делу:

– Максим, есть серьезный разговор. Мужской и профессиональный... Время у тебя есть?

– Профессиональный? С вашей или моей стороны?

– Не язви. И с твоей и с моей. Так как?

– Что, прямо сейчас?

– А зачем откладывать? Ты же не рассуждал тогда, в деле со стрельбой? А сразу стал действовать...

Я действительно был свободен часа на три и ответил согласием, чем обрадовал старого чекиста.

– Тогда давай пройдемся на Литейный, в наш дом, пешочком... Погода под стать прогулке. А?

Ходьбы туда было минут десять-двенадцать, и по дороге было о чем поговорить. Уже позднее, анализируя ход этой беседы с особистом, я прояснил для себя, что разговор по дороге был частью общего плана вовлечения меня в щекотливое дело, в основе которого была острая ситуация в интересах госбезопасности.

Василий Иванович вначале вкратце рассказал мне о том, что мой школьный товарищ Борис находится в розыске. Его опознал по фотографии отравленный матрос, и кое-что рассказали арестованные девушка и парень. Все говорило о том, что и Борис, и его семья исчезли, буквально растворились в Союзе, а может быть уже убыли за рубеж.

– Судя по всему, – говорил Василий Иванович, – Борис может жить в Союзе, но на нелегальном положении, то есть по чужим документам.

– Значит, он – шпион? Чей?

– Мы думаем, что американский или другой страны НАТО. Его интерес к нашему, причем секретному, училищу – это задание одной из западных спецслужб. Не исключена его еще одна случайная встреча с тобой... В наших делах такое бывает.

– Еще раз? Но лучше без стрельбы...

– Как ты думаешь, он узнал тебя?

– Мне кажется, нет. Если бы тогда узнал, то это как-нибудь проявилось: его взгляд изменился бы, он замешкался перед стрельбой, оглянулся бы из автомашины... А может быть, он вспомнил меня позднее, как я его?

– Может быть, может быть... – в задумчивости произнес Василий Иванович. – Если все же увидишь, то проследи за ним и дай знать нам. Куда? Сегодня мы дадим тебе телефоны...

– Вы беседуете со мной, как со своим человеком из органов? С чего бы это?

– А ты, можно считать, уже частично наш, конечно по делам, а не по должности. Насчет должности – это дело поправимое. Только дай согласие, и... и сегодня может случиться так, что станешь совсем нашим.

– Сексот, что ли?

– Ну, не груби, пожалуйста! – насмешливо молвил «мой» особист. – Конечно нет. Помощник – это вернее, и то, если согласишься. А пока приготовься к очень серьезному разговору со знакомым тебе адмиралом...

Предложение адмирала-чекиста

Пройдя КПП, мы поднялись на пятый этаж, и я снова оказался в уже знакомом кабинете, большом и уютном. Адмирал при моем появлении закрыл шторкой огромную карту на стене с изображением Балтийского моря, двинулся мне навстречу и приветливо, крепко пожал руку. Все в нем говорило о расположении к гостю.

– Садитесь, мичман, – тепло сказал он, усаживаясь напротив меня за приставной столик. – Чаю, кофе?

Он протянул руку к звонку, и через несколько секунд появился дежурный офицер, которому адмирал сделал заказ.

– Как дела на последнем курсе? Что с дипломом?

– Тема утверждена, готовлюсь. Но главное будет осенью, после корабельной практики...

Адмирал явно привыкал ко мне, его собеседнику. С ответом не торопил ни взглядом, ни жестом. Прислушивался к голосу и манере моей речи. Сам помалкивал, хотя и добавил, видимо, для поддержания беседы:

– Я кончал военно-морское училище имени Фрунзе, еще до войны, дипломов тогда не писали. Да и сейчас – только в инженерных...

Чтобы поддержать беседу, я спросил:

– Какое ваше БЧ, боевая часть? Я – артиллерист, а вы?

– БЧ-3. Кончал и ходил на эсминце по линии минно-торпедной боевой части. Но после гибели моего эсминца в Таллинском походе в сорок первом работал в контрразведке. Пришел в органы в блокадном Ленинграде.

– В училище у нас в роте половина ленинградцев-блокадников...

– Между прочим, как и ты, в блокаду я начал помогать ловить немецких диверсантов, а уже потом меня пригласили в контрразведку.

– Я еще не в органах. Надо кончить училище.

– Кончай, кончай – и к нам? – улынулся адмирал, поглядывая на Василия Ивановича, который согласно кивал головой.

Я понимал, что эти два опытных в своих делах человека имели какой-то замысел в отношении меня. Даже стал подумывать, что они уже сейчас привлекают меня в органы. Но...

– Можно я буду называть тебя Максимом? – неожиданно спросил адмирал. И после моего кивка добавил: – Помогите нам еще раз. Нужно... Очень нужно. А?

– Смогу ли я? И в чем?

– Не буду скрывать: мы интересовались тобой в училище. Отзывы хорошие. Кроме того, ты выдержал серьезный экзамен...

– Экзамен?

– Да, именно экзамен... На болтливость. От тебя не ушло в среду курсантов и офицеров ничего из того дела, с Борисом. Ты даже не создал атмосферы повышенного внимания к этому делу своим таинственным молчанием...

Я выжидательно молчал.

Помедлив, адмирал сказал:

– У нас к тебе есть задание. Весьма сложное. Ты понимаешь, что задание по линии органов тщательно готовится и один из главных пунктов такого задания – исполнитель его. А его-то чаще всего трудно подобрать...

– Почему остановились на мне? Что вас заставляет довериться мне?

– Предыдущее знакомство с тобой, а если примем – через дела...

– Хорошо. Я слушаю.

– Ты будешь стажироваться в кормовой группе зенитных автоматов. На командира зенитной батареи – это шестнадцать установок, или тридцать два ствола. Это – десятки матросов и старшин.

Адмирал сделал паузу, готовясь приступить к главному.

– На батарее нет заместителя командира. Мы его перевели на другой корабль, расчищая место для тебя...

– Для меня?

– Да, да. Для тебя. За два месяца пребывания в этой должности ты должен близко сойтись с командиром батареи. Очень близко...

– Но зачем?

– Вот в этом-то и есть задание. Этот человек, возможно, с двойным дном. По крайней мере, многое говорит об этом.

Озадаченно я молчал. Еще за несколько минут до этого момента я подумывал, что откажусь, если речь пойдет о работе против моих товарищей по училищу. Но все обернулось таким образом, что отказаться можно было только по трем причинам: или боюсь, или не хочу помочь органам, или сомневаюсь в своих силах.

Два контрразведчика, образно выражаясь, загнали меня в угол и уже не сомневались в моем согласии. И я их не разочаровал. Все, что я мог сказать, было:

– Справлюсь ли я? Вы уверены в этом?

Их тоже можно было понять: вначале согласие, а потом задание. А для меня задание – «кот в мешке».

– Тогда – вот. Смотри эту подборку материалов. Ты, кажется, изучаешь английский? Кое-что разберешь...

Адмирал положил передо мной папку, а сам деликатно отошел с «моим» особистом к дальнему окну кабинета с видом на Неву.

Я открыл папку: короткие печатные заметки, вырезки из английских газет, журналов, фото людей, военных и гражданских, в спецкостюмах аквалангистов, схема какой-то гавани, фото нашего крейсера...

Я стал просматривать материалы более внимательно. Первой была заметка из «Санди таймс» от апреля прошлого года. На фото был изображен обезглавленный труп аквалангиста. Говорилось, что найдено тело Бастера, известного в годы войны командира группы подводных пловцов. Он погиб в результате «повреждении акваланга о металлический мусор, валяющийся на дне бухты» Портсмут. Крейсер на фото был «Орджоникидзе», тот самый флагман, на котором я должен был стажироваться. Под фото стояла дата – «Апрель 1956 года. Портсмут. Англия». Фон фотографии говорил о какой-то иностранной гавани. Я вспомнил, что этот крейсер был в прошлом году с визитом в Англию – туда выезжали Никита Хрущев и министр обороны Николай Булганин.

На схеме – местоположение крейсера в бухте и пунктирные линии вокруг него. Мелькнула мысль: это обозначено движение того, мертвого, английского аквалангиста. Другое фото: какой-то прибор. Ага, вот. Надпись – «навигационный датчик наведения субмарин на крейсер».

Итак, наш крейсер, прибор наведения и погибший аквалангист. А при чем здесь я?

– Твое дело заключается в следующем... – прервал мои мысли адмирал, увидев, что я перелистываю дело снова и снова.

– Мне как-то не по себе: я ведь артиллерист, а не спец по подводному плаванию.

– Ты будешь рядом вот с этим человеком...

И адмирал взял из папки одно из фото. На нем был изображен человек лет тридцати, светловолосый, спортивного склада, с решительным взглядом и упрямыми губами. В целом волевое лицо. Это – Сушко. Старший лейтенант, командир кормовой группы АЗА – артилле-

рийских зенитных автоматов. Прекрасный службист. Общительный человек. Холост, живет в общежитии Балтийска, по месту приписки крейсера «Орджоникидзе».

– Он и есть тот человек, с двойным дном?

– Да.

– А почему «с двойным»?

– Ты разобрался с историей крейсера, когда он был в Портсмуте? По газетам, конечно. Там погиб английский пловец под псевдонимом «Краб», так его звали товарищи в годы боевых действий против итальянских боевых пловцов.

Адмирал рассказал, что стало известно следующее. Английские спецслужбы считают Краба агентом-двойником, который сбежал к нам, на крейсер. Обезглавленное тело – это не его тело, считают они. От его друга и помощника английской контрразведке удалось узнать, что Краб готовил побег и даже звал с собой этого друга уйти к Советам, где их ждала хорошая работа.

Дело в том, говорил адмирал, что после сорок пятого года Краб и его друг остались без работы. И лишь приход крейсера «Свердлов» в пятьдесят третьем году на коронацию английской королевы, а в пятьдесят шестом году «Орджоникидзе» в Портсмут дали им работу по обследованию днища этих крейсеров. В пятьдесят третьем мы Краба отогнали, после этого он связался с нашими разведчиками в Лондоне и предложил свои услуги, а в прошлом году, по мнению англичан, он сбежал к русским.

– А при чем здесь Сушко?

– Слушай дальше...

Мои сведения о разведке и контрразведке были более чем скудные. Тем не менее я подумал, что Краб действительно у нас. И словно подслушав мои мысли, адмирал сказал:

– После возвращения «Орджоникидзе» из Англии почти сразу в поле зрения появилась девушка, которой Сушко сильно увлекся. Все бы ничего. Но нас насторожили два момента: в Балтийске его ждала невеста, а человек он серьезный, и второе – девушка имела контакты с людьми из дипкорпуса.

И поймав мой несколько удивленный взгляд, адмирал добавил:

– Не удивляйся. Это наша работа – знать о многом из жизни моряков, в интересах безопасности конечно.

– В чем провинился Сушко?

– Провинился? Ну нет. Возможно, нет. Но мы увязали три факта: якобы гибель Краба, пребывание Сушко на мостике в момент выхода Краба из воды и появление его новой знакомой, у которой был явно особый интерес к нему.

– Значит, гибель мнимая? Краб жив? Он двойной агент? – засыпал я вопросами адмирала.

Адмирал засмеялся и переглянулся с Василием Ивановичем. Он поднял вверх обе руки, как бы защищаясь от моих вопросов.

– Ну вот ты и догадался...

– Кажется, до меня доходит: они интересуются истинной судьбой Краба?!

– Точно. Мы могли бы пресечь их интерес по этой цепочке: английская СИС – их источник в Ленинграде – девушка Сушко – сам Сушко. Но тогда мы потеряли бы контроль за их устремлениями. Они же стали бы искать другие, неизвестные нам, пути выхода на сведения о Крабе.

Тогда я еще не знал, что после пятьдесят шестого года, когда началась некоторая демократизация и в органах, ее ростки проникли в оперативную среду чекистов. Именно этим можно было объяснить откровения чекистов в беседе со мной. Из послушного и подчас слепого орудия органов их «помощники» становились сознательными исполнителями в интересах безопасности флота и государства.

– Тебе нужно будет познакомиться с самим Сушко и его новой подругой. И сделаем мы следующее....

Адмирал сказал, что на празднование Дня ВМФ крейсер «Орджоникидзе» придет в Кронштадт дней на десять, а затем дней на пять встанет напротив Петропавловской крепости на Неве. Из Кронштадта Сушко сможет побывать у подруги пару раз, а когда будет стоять на Неве – каждый день. После праздников крейсер уйдет в боевой поход со стрельбами.

– Но ведь если я – стажер, то на батарее должен быть или он, или я?

– Это мы урегулируем... Подскажи – как?

– Часть моих товарищей расписаны в башне главного калибра и сидят за «броняшкой» во время боевой тревоги. Им интересно побывать на открытом воздухе. Возле АЗА. Может быть, подключить их на краткую стажировку у зенитчиков, дней по пять... Особенно во время стояния на Неве. Это высвободит мое время, и я окажусь вместе с Сушко у его подруги? Как ее звать?

– Лена. Вот ее фото.

На меня смотрело лицо ослепительной и пронзающей красоты. Такой взгляд я видел только в фильме «Идиот» у Настасьи Филипповны.

– Ну как? Хороша? Кстати, разберись, почему Сушко присох к ней в столь короткий срок. Его невеста в Балтийске под стать ему – тоже хороша собой и умна.

– Если эта Лена по характеру Настасья Филипповна, то присохнуть вполне можно.

– Какая «Настасья»? Ах да, из Достоевского, в его «Идиоте»... Вполне возможно. Сам только не потеряй голову. Уж на что Сушко выдержанный, и то не устоял.

Адмирал подвел итог:

– Итак, Сушко заинтересован в твоём пребывании в качестве его заместителя по двум причинам: из-за Лены и, конечно, в помощь по службе. Думается, что когда он не сможет неожиданно увидеться с Леной, то обратится к тебе. А неожиданное дежурство мы ему организуем. Твоя задача...

И адмирал стал буквально диктовать пункт за пунктом, давая пояснения к каждому. Среди них были такие: Лена имеет контакт с людьми из французского и английского дипкорпуса – надо узнать характер этих связей (это через Сушко); между Сушко и Леной, возможно, уже есть договоренность о скрытой ото всех работе, и если нужна будет связь между ними, то ты сможешь стать их связником втемную. Ты установишь опертехнику подслушивания у Лены дома. Адмирал пояснил, что в доме лежит больная тетка и проникнуть туда невозможно – только знакомым людям.

Вся беседа в Большом доме заняла часа два. Я получил условия связи – пароль и места встреч – как с Большим домом, так с адмиралом и Василием Ивановичем по их служебному и домашнему телефонам. Кроме того, с чекистами в Кронштадте и Балтийске. И, конечно, на крейсере. Все это я аккуратно выписал и обещал вызубрить назубок. Адмирал подчеркнул, что у людей из дипкорпуса имеется разведывательный интерес к флоту, а не только к «делу Краба».

Вторая встреча со шпионажем

Затем наступила стажировка, и все произошло так, как предполагали чекисты: я стал замкомандира группы АЗА, близко познакомился с Сушко и затем с его Леной; носил письма от него и наоборот, их контролировали чекисты. Как я понял, в письмах ничего предосудительного не было.

Я рад был, что Сушко оказался честным человеком, но заявить на Лену не смог – он ее боготворил. Лена же вела двойной, даже тройной образ жизни. Она принимала у себя в маленькой смежной комнатке и Сушко, и француза, и англичанина. Сушко не ведал, какие разговоры проходили в этой комнате в его отсутствие. Чекисты контролировали ее связь с французом и англичанином. Они задокументировали ее расспросы о флоте пьяных военных моряков. Было установлено, что она записывала разговоры и кассеты передавала иностранцам. Когда дело дошло до моментальных встреч с ее друзьями из дипкорпуса, француз и англичанин были взяты с поличным.

Чекисты помогли разработать план по явке Сушко с заявлением о сомнительном поведении Лены, и он стал свидетелем по ее делу. А подозрения его строились на тех вопросах, которые она задавала. Они касались служебной тайны, и в них содержалась определенная техническая подготовка Лены для таких бесед.

Мне было жаль Сушко, этого отличного офицера, который дал слабину в сетях красивой, но коварной женщины. Эта его связь с ней стоила Сушко карьеры и пребывания во флоте. В чем-то было жаль и Лену, в общем-то не пустую девушку, но вставшую на путь стяжательства и фактического предательства. Ее судили, но проявили снисходительность ввиду ее помощи органам. Она была взята с французом с поличным, а с англичанином – в тот же день уже под контролем органов.

О причастности моем к этому делу Сушко так и не догадался или не захотел меня ввязывать. На допросах обо мне он ничего не сказал. А это устраивало всех: особенно органы, которые не хотели меня светить.

С началом нового учебного года я побывал у адмирала в Большом доме. Он поблагодарил меня за работу, весьма полезную для госбезопасности, и просил подумать о переходе на работу в военную контрразведку. Я обещал подумать, хотя не испытывал большого желания, ибо работал над дипломом и в моем будущем выстраивался НИИ в Москве как ведущий мой дипломный проект.

Но мысли нет-нет да и возвращались к работе над спецзаданием органов. Оно согревало мою душу необычностью событий и прикосновением к чему-то недоступному многим. Видимо, во мне заговорила та черта будущего чекиста, который гордится своим профессионализмом и связью своей профессии с поколениями чекистов.

Встречая в стенах училища «моего» особиста, я всегда почтительно здоровался с ним. Однако, по его совету, нашего близкого знакомства не демонстрировал.

С осени пятьдесят седьмого я завершил работу над дипломом – проектом инженерной работы по зенитной установке для крейсеров с использованием активно-реактивного снаряда и радиолокационного взрывателя к нему. Где-то месяца за два до окончания училища я встретил «моего» контрразведчика, который вместо обычного приветствия бросил короткое: «зайди». И назначил время. Конечно, я пришел в кабинет особого отдела.

– Ты наш разговор помнишь? Ну тот, после поимки шпионов? Ну и как, пойдешь к нам? Передаю тебе официальное приглашение на работу от адмирала...

– Да я уже начал забывать о том разговоре... Меня уже назначили на флот. Я попросился на Северный...

– Северный флот от тебя не уйдет. А сейчас нужно думать о собственном будущем: идет серьезное сокращение, в том числе и на флоте. Как-то сложится твоя судьба? У нас набирают в школу военных контрразведчиков, причем ребят из военно-морских училищ. Подумай и решайся. А пока захвати-ка это... – Он протянул анкеты. – Заполни их и еще напиши биографию. Пойдешь к нам или нет, а всё же заполни. Принеси мне через два дня.

Вот так, к моменту защиты диплома, в середине декабря я уже знал, что еду в столицу Грузии Тбилиси, где буду учиться в специальной школе контрразведчиков.

Конец пятидесят седьмого года был богат для меня событиями: в ноябре я встретил девушку, с которой зарегистрировал брак за десять дней до выпуска. Знал я ее менее месяца, а живу уже сорок лет. Она подарила мне троих детей, семейный уют, взяла все семейные заботы по дому на себя. Она стала постоянным моим спутником, а временами – и помощником в оперативных делах разведчика.

Бег за тенью

В последних числах января пятьдесят восьмого года скорым поездом «Москва – Тбилиси» я и моя юная жена (ей было всего двадцать лет) приехали в столицу солнечной Грузии.

День только начинался, и город утопал в дымке, пронизанной лучами встающего из-за гор солнца. Ярko блестела река Кура, одетая в каменные берега, на одном из которых на высокой скале возвышалась древняя крепость.

Все наши вещи мы везли с собой. Легкий чемодан вмещал наши нехитрые пожитки: единственный мой летний костюм и два комплекта морской формы, одеяло из искусственной шерсти, про которое в училище острили, что оно на «рыбьем меху». Не богаче было и у Нины: несколько летних платьев, простенькая обувь, пара подушек – приданое к свадьбе. Жена была модельером женского платья, правда самоучкой, и свой гардероб могла легко восполнить – были бы только деньги на материал. А вот с ними-то, деньгами, могли возникнуть затруднения: хотя я и был офицер, но не на службе, а на учебе. Это означало, что мое денежное обеспечение составляло два «полтинника» – 500 за звание и 500 в виде стипендии. И это в Тбилиси?!

Вот так, только начав совместную семейную жизнь, мы прибыли на учебу в контрразведывательную школу, следуя заветам древнего философа: все мое ношу с собой.

В момент приезда я был лейтенантом в форме морского офицера. От носильщика мы отказались, от такси также: денег было в обрез. После двухдневной дороги нужно было хорошо перекусить и затем искать по адресу свою школу.

Мы зашли в ресторанчик на привокзальной площади и попросили подать нам знаменитое грузинское харчо – национальный суп из баранины и риса, крепко приправленный луком и чесноком. Но нам в этом отказали, что сильно меня удивило.

– Слушай, друг, – обратился я к официанту, – ведь ты другим подаешь это блюдо? В чем дело? Или в Грузии уже нет прежнего гостеприимства?

– Зачем, дорогой, обижаешь? Где ты видишь харчо? Это – не харчо. *Это* – уже не харчо... – сказал с типичным восточным акцентом официант и добавил: – Потому и не предлагаю, что вижу перед собой гостя, моряка, офицера. Подожди, дорогой, и будет свежее, еще более ароматное харчо... А пока – гостю от меня Саперави, в честь приезда в наш город. Прими, дорогой...

И на столе перед нами появилась бутылка красного вина. А харчо было действительно замечательным. Позднее я всегда сравнивал любое харчо в моей жизни с тем, что отведал в первый день нашего приезда в солнечный Тбилиси.

Трамваем мы доехали до парка Вакэ, не так давно устроенного тбилисцами в новом предгорном районе города. Здесь, напротив входа в парк с двумя прильнувшими к земле каменными пантерами, стояло трехэтажное здание, облицованное по цоколю красным гранитом. Это была школа госбезопасности, готовившая военных контрразведчиков. В ней мне предстояло провести два года.

В школе военных контрразведчиков нас с женой поместили в просторном, рассчитанном человек на двадцать, помещении. Пару дней мы жили одни, а затем стали прибывать другие слушатели школы – моряки, окончившие различные военно-морские училища Ленинграда и Калининграда на Балтике, Севастополя на Черном море и Владивостока на Тихом океане. Около ста моряков представляли различные морские профессии: артиллеристов и минеров, штурманов и парасиловиков, электриков и радиоспециалистов – в общем всех, кто мог бы обслужить корабль на воде и под водой.

* * *

Моряки – народ дружный и решительный. Мы быстро разобрались в школьной учебной программе и начали требовать от руководства школы сокращения учебы на один год. Дело в том, что каждый из нас в военно-морском училище в течение четырех лет или даже пяти проходил курсы общественных дисциплин: по марксизму-ленинизму, истории компартии, философии. Ведь мы были профессиональные военные. Причем львиная доля приходилась на марксистскую философию, которой мы сыты были по горло еще в училище. Выбранные коллективом моряков представители провели переговоры, в результате которых из штаб-квартиры госбезопасности на площади Дзержинского в Москве пришло указание: «...завершить подготовку военных моряков по сокращенной программе и выпустить в качестве военных контрразведчиков в феврале 1959 года».

Такое начало нас всех окрылило, и мы с хорошо известным нам упорством принялись за изучение спецдисциплин: особенностей оперативной обстановки, вербовочной работы среди военных и гражданских лиц. Теперь из наших уст частенько можно было слышать профессиональные термины: «конспирация», «явка», «наружное наблюдение»... Курс практики вел наш руководитель потока – бывший боевой сотрудник знаменитой и зловещей фронтовой контрразведки «Смерш» (смерть шпионам).

Фигура крепкого подполковника с мощным басом и уверенным поведением уже всем своим видом вселяла в нас правильность преподавания контрразведывательных премудростей. Он был прост в общении и почему-то особенно привязался к нашей семье; позднее и я, и жена поняли, в чем дело: он подкармливал Нину. Да-да, именно подкармливал, и в этом не было ничего удивительного: денег, которые я получал, после вычетов и оплаты квартиры хватало на десять-двенадцать дней. И если я-то хоть получал обед, то Нина жила впроголодь – Тбилиси того времени слыл весьма дорогим городом. Через полгода у Нины развилась дистрофия, и она вынуждена была уехать в Москву к моим родителям.

Однако у меня хватало сил и на самбо, и на кроссы по горам, и на стрельбу из всех видов оружия, которое нам предоставляли во время занятий по военной подготовке. Невдалеке от школы находилось старое немецкое кладбище военнопленных. На склоне гор мы устраивали стрельбы из немецкого и японского оружия – пистолетов и автоматов, из американского и французского. Стреляли сколько хотели – патронов для нас не жалели, и наша душа ликовала от мальчишеского восторга.

* * *

В школе увлечение уголовным правом было всеобщим. Мы наизусть цитировали статьи из уголовного кодекса, спорили на правовые темы, решали задачи с казусными ситуациями. Нам внушалось, что в основе правовой подготовки лежит «правило врача» – не нанеси вреда невинным людям, а это могло произойти из-за незнания законов, в частности уголовного кодекса.

Предмет по уголовному праву вел капитан госбезопасности Джаридзе, причем так, что не оставлял никого равнодушным к этому замечательному занятию. Судьба вывела его на правоохранительный Олимп – со временем он стал весьма влиятельной фигурой в прокуратуре Грузии.

А пока он был подвижным и веселым, небольшого роста человеком, с плотной фигурой и тапкой лохматых, непокорных, выющихся волос, конечно, как у всякого грузина, черных. Его вечно смеющиеся глаза, казалось, так и выискивали юмористическую сторону в нашей жизни и в учебном процессе. Да и в нас самих.

Однажды веселый капитан ворвался в наш класс и закричал еще с порога:

– Нам доверили настоящее дело: произошло убийство, и, по оперативным данным, тело укрыто где-то в районе парка Вакэ, за одним из горных холмов...

И он призвал помочь тбилисским оперативникам:

– Криминалистику мы почти закончили и теперь поможем осмотреть участок города, который доверили нам оперативники. Но... – Капитан сделал паузу. – Каждый должен сделать нужные записи: осмотр места происшествия, следы, опрос свидетелей...

Мы молча внимали шумному капитану и рвались к делу. Захватив все нужное для работы, мы гурьбой вышли из здания, пересекали улицу и цепочкой растянулись в парке. Ночью прошел дождь, и скоро трое из нас обнаружили на влажном грунте следы не только от ног, но и от чего-то тяжелого, которое тащили по земле. Мы пошли по следу. С высоты холма мы увидели под кустами какой-то предмет – это был портфель с бумагами погибшего со следами крови. Один из нас остался работать с портфелем.

Двигались дальше, и наш поиск увенчался успехом: мы нашли тело убитого, вернее имитацию тела, то есть куклу в натуральный рост, даже с пятнами крови на одежде и лице. Однако энтузиазм работы не пропал – наш капитан был мастером на розыгрыши, и мы не обиделись. Ибо сами страдали способностью на всевозможные затеи. Мы завершили операцию по работе в горах, назвав ее «бросок по горам». Этот термин «бросок по горам» вошел в наш обиход как символ полезной работы, но не настоящей, а учебной. Теперь, встречая капитана, мы приветствовали его возгласом: «Даешь бросок по горам!» Это была веселая подначка, ибо от практического занятия в горах у нас остался светлый след в наших сердцах и благодарность к его организатору, который столь оригинально обеспечил его проведение.

Так операция «бросок по горам» стала зачетом по одному из самых занимательных предметов – криминалистике.

* * *

Девятая статья нового уголовного кодекса трактовала действительные государственные преступления, а не мнимые, как это было в политической пятьдесят восьмой статье старого кодекса.

Наш капитан особенно яростно втолковывал нам, будущим контрразведчикам новой формации, что главная опасность в преступных действиях заключается в халатном отношении к работе, а не в умышленных действиях.

– Вам, контрразведчикам, тем более военным, которые будут иметь дело с военной техникой или на заводах с производственным процессом, нужно упреждать ситуации. Ситуации, когда создаются условия для аварии или утечки секретной информации, например из-за болтливости сотрудников. Инструментом анализа оперативной обстановки является предвидение событий на объекте защиты, среди его военнослужащих и гражданских лиц...

В такие минуты мы молча внимали эмоциональной речи капитана. Изучали мы новый уголовный кодекс по газетам, где он был только что опубликован. Экзамен по этому предмету был не за горами. А капитан продолжал:

– Предвидеть – это можно только тогда, если вы хорошо знаете свое «рабочее место», то есть оперативную обстановку на охраняемом объекте. Ваша задача не ловить нарушителей и шпионов, а создавать условия, когда не будет безответственного отношения к делу и не будет лазеек для шпионов. Другой ваш эффективный «инструмент» – агентура на объекте охраны.

Сколько раз я вспоминал добрым словом моего наставника по правоохранительной дисциплине. Он был моим незримым советчиком в работе на флоте и позднее, в разведке.

Тбилисская «встреча» с Борисом

Однажды, ближе к весне, я спускался по Кабулетской улице к университету и вдруг почувствовал некоторое беспокойство. Подсознательно я обратил внимание на фигуру человека, идущего чуть впереди по другой стороне улицы. Фигура кого-то мне напоминала.

Ближе к проспекту фигура ускорила шаг, а когда послышался грохот трамвая, припустила мелкой рысью к остановке.

Меня как током пронизало: Борис. Это он: его узкоплечая фигура, его походка и бег. Как бы не отстать от него? Припустился за ним, приближаясь к остановке. Был я в форме, и это в определенной степени меня маскировало. И еще я надеялся, что тогда, возле училища, он меня не узнал.

Борис прыгнул на площадку первого вагона, а я успел попасть во второй. Сквозь стекла его фигура просматривалась хорошо. Но с момента слежки за ним он так ни разу не повернулся ко мне лицом. И все же уверенность не покидала меня.

Трамвай шел в сторону центра города и должен был свернуть на мост через Куру. Где-то выйдет он? Я помнил наставления ленинградских контрразведчиков: только проследить и не более того.

Борис сошел у цирка, и на мгновение я увидел его лицо. Да, это был он. Куда он двинется теперь? Лучше, если по проспекту Руставели – там легче следить за ним, все же больше народу. Тем временем Борис шел походкой человека, знающего свою конечную цель. Не оглядывался по сторонам, не пытался проверяться. А я пока думал, что хорошо бы, если б он зашел в жилой дом – это дало бы возможность установить круг его знакомых, а может быть и место его временного проживания. Но в дом он не заходил, а двигался к центру. Хотя нет, вот он чуточку замедлил шаг и вошел в крохотный павильон «Воды» – гордость тбилисцев. Здесь грузинская семья уже не одно поколение угощала жителей города чудесными сиропами, секреты производства которых они никому не раскрывали. Боясь привлечь к себе внимание, в павильон я не вошел.

Минуты через две-три Борис вышел из павильона и двинулся в обратную сторону, то есть прямо на меня. Я в это время наблюдал за ним из-за телефонной будки и вынужден был пойти назад, чуть впереди Бориса. Шел я так всего несколько секунд, прежде чем юркнул в книжный магазин.

Сквозь стекла мне было видно, как Борис сел в подошедший троллейбус. И я его упустил. Теперь быстрее нагнать, но на чем? Разве что на такси... Где же оно? Троллейбус я нагнал, но Бориса там уже не было – через две или три остановки он сошел, чего я не видел.

И все же: что я имею? Борис в городе, и явно не случайно, конечно, по делу, вернее всего по шпионскому. Он был на Кабулетской улице, шел по правой стороне – возможно, был в одном из домов или даже живет там? На Руставели дома огромные – тут легко исчезнуть. Итак, нужно что-то предпринимать? Что?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.